

0-773198

На правах рукописи

Сусименко Елена Владимировна

**ФЕНОМЕН ПАТ-ЗАВИСИМОСТИ
В ПРОЦЕССЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

09.00.11 – социальная философия

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Ростов-на-Дону
2008

**Работа выполнена в ФГОУ ВПО
«Южный федеральный университет»**

Научный консультант: заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор
Волков Юрий Григорьевич

**Официальные
оппоненты:** Член-корреспондент РАН,
доктор философских наук, профессор
Горшков Михаил Константинович
Институт социологии РАН, г. Москва

доктор философских наук, профессор
Малицкий Валентин Семенович
Южный федеральный университет,
г. Ростов н/Д

доктор философских наук, профессор
Пусько Виталий Станиславович
Московский государственный
технический университет
им. Н.Э. Баумана, г. Москва

Ведущая организация: **Московский государственный гума-
нитарный университет им. М.А. Шо-
лохова**

Защита состоится «19» декабря 2008 г. в 13.00 часов на заседа-
нии диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социо-
логическим наукам в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет»
(344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в б-
«Южный федеральный университет» (344006, г.
кинская, 148).

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439047

Автореферат разослан «17» ноября 2008

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется рядом обстоятельств, из которых отметим несколько.

Зависимость настоящего от прошлого всегда интересовала социальную философию, в рамках которой сформировались эволюционизм, теория модернизации и теория исторических циклов. На протяжении XX в. эти три «великих видения истории» подтвердились только частично. Возникли альтернативные теории – от трактовки идей как исторической силы до рассмотрения революций как пика социальных изменений. Но история СССР показала: даже тотальное изменение общества не гарантирует достижения целей революции (П. Штомпка). Определенного ответа о причинах этого явления нет.

Для современной рефлексии о зависимости настоящего от прошлого характерен широкий теоретический и компаративный горизонт. Эта зависимость анализируется на разных уровнях – от религиозных доктрин, местных и общенациональных «изобретенных традиций» до устных преданий и биографических нарративов. Но в любом случае остается неясно, почему прошлое для настоящего остается «чужой страной» (Д. Лоуэнталь). Монистическая интерпретация истории сменяется плюралистической, в рамках которой сложились классическая, неклассическая, неоклассическая и постмодернистская модели исторического познания. Каждая из них выдвигает свою версию исторического процесса, включая зависимость настоящего от прошлого (А. Лубский).

В общем виде институциональная организация зависимости настоящего от прошлого отличается следующими свойствами: социальные институты образуют сложные системы опосредований, связывающие человека с прошлым социума, к которому он принадлежит; однако сама возможность зависимости общества в каждый момент времени от прошлого проблематична, поскольку отличается от зависимости каждого индивида от его прошлого; индивиды связаны с прошлым воспоминаниями о подлинности пережитого; зависимость общества от прошлого всегда отчуждена от индивида; отчужденное прошлое присваивается через социальные институты, которые организуют пространство зависимости; главный элемент зависимости – замещение истории становления государств частными, локальными и культурными видами памяти. Но институциональная организация памяти неотделима от забвения. Соотношение памяти и забвения в обществе тоже проблематично (П. Рикер).

Эта проблема обострилась на фоне социально-политических процессов постсоветского пространства. Уже в середине 1990-х гг. стало ясно, что

в России под видом реформ воспроизводятся свойства советского прошлого: связь власти-собственности и появление новых социальных групп на основе ее передела; социальное расслоение; всевластие бюрократии; социальная несправедливость; безразличие власти к правам человека; зависимость социальной жизни от властных решений; компромисс между коммунизмом и национализмом; связь историографии с политикой и идеологией (М. Геллер, Ю. Игрицкий, В. Согрин, Л. Столович). Причины этих явлений неоднозначны, но некоторые тенденции уже проявились.

Предположительно, *институциональное разложение* советской системы подавляется природой советского человека, для которой характерен традиционализм, а не продуктивные и инновационные способности. Структуры базовой социальной личности и формы социальной организации остаются «советскими». Поэтому большая часть изменений представляет собой реконфигурацию советских институтов, социальных групп и индивидов на фоне роста ксенофобии и изоляционизма (Л. Гудков, Ю. Левада). Трансляция и регенерация советского прошлого охватывают экономику, социальную сферу, власть, управление, политику и идеологию.

На протяжении 90-х гг. выявились три пути изменений стран бывшего «советского блока»: а) реформаторский (Польша, Венгрия); б) рантье (Россия, Украина); в) диктаторский (Белоруссия, Узбекистан, Туркменистан). Последние две группы стран попали в *институциональную ловушку*, которая отличается следующими свойствами: связь между размерами, хищнической природой, коррупцией госаппарата, его вмешательством в социально-экономические процессы и ростом преступности; захват госаппаратом контроля над государством; заимствование руководством указанных стран *управляемой демократии* (правил проведения выборов и финансирования избирательных кампаний) у Индонезии 1950-х гг.; отсутствие у населения навыков контроля государства, правительства и хода политических реформ; слабость общественного протеста и развертывание войн на постсоветском пространстве (А. Ослунд)¹.

¹ Из множества примеров подчинения электоральных процессов исполнительной власти приведем только один. Бывший президент Северной Осетии сообщает, что в 1996 г. число проголосовавших за Б. Ельцина в Северной Осетии увеличилось в 2,5 раза. Но и во втором туре республика не смогла преодолеть 50 % барьер. «Этот результат не замедлил сказаться на отношении к вопросам республики федеральных министерств и ведомств. На столе у каждого госчиновника как методичка для принятия решений лежала табличка с данными об итогах голосования по каждому субъекту Федерации. Рассматривая вопросы по тому или другому региону, они, как правило, заглядывали в нее и после этого определяли отношение к их представителям. Эту практику мы испытали на себе полностью. Законность и справедливость наших проблем никто не оспаривал ни в Минфине, ни в Минэкономике, ни в Правительстве, но никто и не спешил решать наши вопросы» (Галазов А. Пережитое. М.: ИД «Грабли», 2002. С. 656–657).

Несмотря на множество современных этнических конфликтов, конкретно-социологические исследования 2001 – 2002 гг. показали: население России все более дифференцируется по линии собственности и имущественной дифференциации, а не этнополитической идентичности; государство не обеспечивает население социальными гарантиями; развивается конфликт между собственнической, этнической и религиозной идентичностью; для маскировки провала реформ власть заигрывает с религиозными деятелями и институтами; по мнению ряда ученых, возник союз чиновников с церковниками, которые сооща способствуют распаду общества (М. Губогло, Е. Зубкова, М. Красильникова)¹.

Таким образом, непредвиденные следствия фундаментальных политических и социально-экономических преобразований в России обуславливают необходимость социально-философского осмысления происходящих процессов, в том числе с учетом исторического, национального контекста. Кризис российских постсоциалистических реформ свидетельствует о том, что в результате коренной трансформации экономического порядка не возникают автоматически необходимые институциональные структуры, особенно неформального характера. Более того, на данный процесс влияет историческая, государственная, духовная специфика народонаселения страны, определяя скорость и направление институциональных изменений и нормы поведения рыночных агентов. Дисфункциональность старых институциональных структур сохраняется вследствие институциональной инерции. Одновременно ликвидация сложившихся неэффективных институтов блокируется вследствие исторической обусловленности процесса социально-экономического развития. Кроме того, трудности процесса создания новых институтов связаны с влиянием групп интересов, отрицательно отражающихся на эффективности государственной экономической политики. Все это и обусловило исследовательский интерес к проблеме зависимости от траектории предшествующего развития.

Степень разработанности темы. Исследование проблемы пат-зависимости требует осмысления проблемы институциональной трансформации, которая сравнительно недавно стала объектом научного, прежде всего экономического, анализа, что связано с массовым появлением экономик переходного типа, характеризующихся сменой институциональной структуры.

---

¹ «Наша Трижды Краснознаменная, Орденов Ленина и Октябрьской Революции Патриархия, притомясь беспощинной торговлей сигаретами и освящением бандитских иномарок, вовсю норовит уже устроиться в опустевшем было кресле Идеологического отдела ЦК КПСС» (*Есськов К.Евангелие от Афрания. Священная история как предмет для детективного исследования.* М.: Изд-во НЦ «ЭНАС», 2005. С. 145).

Некоторые аспекты институциональной теории получили развитие в рамках эволюционной экономической теории, фундаментальные основы которой были разработаны А. Маршаллом, Й. Шумпетером и дополнены в трудах А. Алчиана, С. Уинтера, Р. Нельсона, У. Витта, Б. Лоусби, Дж. Ходжсона, Дж. Доси, Дж. Меткафа и др. Возникшее позже направление неозволюционной экономической теории объединило экономистов и экономических историков, которые впервые обратились к проблеме зависимости результатов экономических трансформаций от предшествующей траектории развития.

Концепция пат-зависимости представляет собой оригинальный подход, акцентирующий внимание на важности учета исторических событий в экономическом анализе (В. Вольчик). Основоположниками теории пат-зависимости считаются П. Дэвид и Б. Артур, которые выявили, что эволюционный процесс в экономике не обязательно приводит к оптимальным результатам. Эта проблема была конкретизирована в исследованиях Р. Коузена, А. Крюгер, М. Гартланда и др. Следует выделить также работы С. Либовица и С. Марголиса, предложивших классификацию феномена зависимости от прошлого развития и осуществивших критику теории пат-зависимости с позиций неоклассики.

Процессы производства и передачи знаний и информации, рассмотренные Дж. Мокиром, Дж. Поттсом, Ж. Сапиром, Д. Поре, Ф. Хайеком, позволили выявить роль знаний и информации в процессе экономического развития.

Фундаментальные положения теории институциональных изменений разработаны Дж. Мокиром, А. Грифом, Р. Метьюзом и др.

Большой вклад в развитие институциональной экономической теории внесли представители «старого» институционализма: Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл, Р. Мертон, Дж. Гэлбрейт, К. Поланьи, Т. Парсонс, У. Сэмюэлс, Дж. Стэнфилд и др., уделявшие внимание изучению эволюционных механизмов институциональной динамики и влиянию социально-культурных норм на экономическое и технологическое развитие.

Но обратимся к современной философии науки. Она оперирует категориями исторической, гносеологической, онтологической неопределенности, а также неопределенности критериев оптимальности. Историческая неопределенность – это авантюризм прошлой и современной истории, потеря накопленного опыта и знаний, непредсказуемость будущего. Гносеологическая неопределенность включает ментальную, логическую, рациональную и психологическую неопределенности. Онтологическая неопределенность – это состояние агонии современного мира, вовлечение человечества в непредсказуемую авантюру. Не-

определенность критериев оптимальности состоит в том, что «...поиск оптимизации выходит за пределы всей мощи имеющихся в нашем распоряжении средств поиска, поиск оптимума превращается в конечном счете в...наихудшее, действие»¹. В целом деятельность современного человека – это замкнутый круг ошибок, порождающий три типа непредвиденных последствий: непредвиденность результатов (пагубный результат важнее благоприятного), нововведений (чем больше изменений, тем больше все остается по-прежнему) и угроз (ради улучшения общества подавляется свобода и упраздняются системы безопасности): «Ни для какого действия нет гарантии, что оно будет осуществляться в направлении, совпадающем с намерением»².

Идею о непредвиденных последствиях деятельности (прежде всего религиозной) обосновал М. Вебер. Затем она была развита в неoinституционализме 1970 – 1990-х гг. (Р. Коуз, Д. Марч, Д. Олсен, Л. Тевено, Д. Норт, Р. Познер, С. Пейович, Э. де Сото, О. Уильямсон, Г. Демсец, Р. Нельсон, С. Уинтер, Г. Саймон, К. Менар, Р. Буайе, Дж. Бьюкенен и др.), в рамках которого институты рассматриваются как набор юридических и неформальных норм, жестко детерминирующих социальное поведение («правила игры» в обществе у Д. Норта), а также результат индивидуальных и коллективных взаимодействий экономических субъектов. Роль групп интересов в формировании и функционировании институциональной структуры экономики проанализирована в работах М. Макгира, М. Олсона.

У некоторых представителей австрийской экономической школы (Ф. Хайек, Л. фон Мизес, Т. Дилоренцо) можно найти идеи, чрезвычайно близкие концепции пат-зависимости. Например, с точки зрения Ф. Хайека, любая эволюция представляет собой процесс непрерывного приспособления к случайным обстоятельствам и к непредвиденным событиям, которые невозможно было предсказать. Отчасти поэтому эволюционная теория не позволяет рационально прогнозировать и контролировать будущие изменения. С ее помощью возможно лишь показать, каким образом у сложно организованных структур вырабатываются способы корректировки, ведущие к новым эволюционным изменениям, которые, однако, по самой своей природе неизбежно остаются непредсказуемыми³.

---

¹ Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире/ Отв.ред. Н.К. Удумян. М.: Наука, 2004. С. 22 – 23. См. также работы И.В. Бестужева-Лады, Л.М. Бородинки, И.М. Савельевой и др.

² Там же. С. 24.

³ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 48.

В отечественной научной литературе отношение к проблеме зависимости от прошлого неоднозначно. В 90-х гг. XX в. социальные науки России осваивали зарубежные и реанимировали отечественные концепции. В настоящее время существует несколько теорий, объясняющих зависимость России от прошлого: евразийство, теория конвергенции социализма и капитализма, марксистская концепция бюрократического перерождения советской власти, теория тоталитаризма, теория модернизации, цивилизационные теории, мир-системный анализ. Но проблема заключается в том, что данные концепции ранее входили в состав советологии, которая не смогла предсказать крах СССР, а теперь стремится выжить в виде «россиеведения», оставляя неизменным свой методологический аппарат (А. Брумберг, Т. Заславская, Е. Петров).

И все же постепенно формируется общее убеждение: история щадит лишь те представления, которые не претендуют на глобальный и вневременной смысл, описывают конкретные параметры общественных процессов на основе внутренние присущих им свойств, сопоставимых с аналогичными чертами в других обществах в ту же историческую эпоху. Но формы проявления этого убеждения в научном сообществе разнообразны.

В частности, анализ методологического потенциала советологических концепций показал их *частичную* эвристичность при описании зависимости России от прошлого. Наименее продуктивны евразийство и теория конвергенции капитализма и социализма. Из марксизма остается эвристичной только концепция бюрократизации советской и постсоветской власти. Поэтому одни авторы считают наиболее эвристичными концепции корпоратизма и групп интересов: «Дендеологизированность, банальная заземленность понятий «корпоратизм» и «группы интересов» обеспечивают им долгую... жизнь во всех типах обществ»¹.

Многие авторы изучают зависимость настоящего от прошлого на основе теории модернизации. Но ее применение к анализу проблемы зависимости настоящего от прошлого ведет к формулировке следующих условий модернизации современной России: рациональная и нравственная бюрократия; сильное и беспристрастное государство, обслуживающее граждан по закону; развитое гражданское общество, контролирующее деятельность государства и бюрократии; наличие у граждан равных стартовых возможностей и предпринимательских способностей. «Поскольку ни одного условия в российском обществе не существовало, не

---

¹ *Игрицкий Ю.И.* Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1998. № 1. С. 17. См. также: *Игрицкий Ю.И.* Общественные трансформации в СССР после 1985 г. Взгляды и концепции. М., 1998. С. 101; *Пerezудов С.* Группы интересов в условиях перехода к информационному обществу // МЭиМО. 2004. № 6; *Макаренко В.П.* Групповые интересы и властно-управленческий аппарат // Социологические исследования. 1996. № 11; 1997. № 7.

могло быть ни демократической приватизации, ни демократического капитализма»¹. Поэтому, по мнению ряда ученых, модернизации в России не происходит (В. Согрин и др.).

Некоторые политики и публицисты, однако, считают, что в России все же идет модернизация, но авторитарная.

Общие свойства авторитарных модернизаций состоят в следующем: подчинение всей политики, идеологии, общественной жизни целям развития; направленность промышленной политики на ускоренный рост и структурное развитие экономики, а региональной – на выравнивание диспропорций между регионами; ускорение и развитие сферы образования и науки; рост благосостояния большинства социальных групп, активная социальная политика; повышение социальной мобильности широких слоев населения; создание рыночной инфраструктуры, формирование эффективной кредитно-финансовой системы; формирование современной судебной системы и защита прав собственности; формирование институтов власти, соответствующих задаче ускоренного развития страны; наличие идеи прогресса как идеологии преобразований. Судя по всем этим признакам, в России нет ни авторитарной модернизации, ни ее субъектов: «Скорее мы имеем дело... с возрождением русской архаики, иррационализма и обскурантизма»².

Это возрождение приняло форму специфического авторитаризма, который связан с доминированием исполнительной власти над законодательной и судебной, государства над обществом, деполитизацией, десоциализацией и демодернизацией общества (включая репрессии в отношении оппозиции)³. Главное свойство демодернизации – московский тип единства власти и собственности (господство государства над собственностью; неотчлененность собственности от государства; подчиненность собственника государству): «С начала 2000-х годов в России укрепились господство приватизированных государственных структур, делающих принципиально непрозрачными отношения власти и собственности»⁴. Российская демодернизация – это контроль оппозиции, власть силовых структур, административной верхушки, пропаганда идеологии национализма, ведущая роль элементов личностного, эмоционального и морального воздействия, образующих социокультурный контекст зависимости настоящего от прошлого (П. Судоплатов, К. Брутенц, В. Тишков и др.).

---

¹ Согрин В.В. 1985–2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005. № 3. С. 13.

² Круглый стол «Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы» // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5. С. 43.

³ См.: там же. С. 46–48.

⁴ Там же. С. 48.

Наконец, некоторые авторы (М. Маля и др.) отвергают концепции корпоратизма, групп интересов и модернизации как средство познания России и приводят при этом веские аргументы. На протяжении «холодной войны» эти концепции входили в состав советологии – главной дисциплины при познании СССР. С содержательной стороны она включала политическую экономию, политическую науку, социологию, историографию. Главная тенденция этих дисциплин в течение последних сорока лет – замена тоталитарной модели теорией модернизации. Модель тоталитаризма рассматривает идеологию и политику как детерминанты экономики. Теория модернизации рассматривает политико-идеологические факторы как производные от экономики. Эта посылка привела к господству в советологии следующих схем: отождествление социальных трансформаций с политической модернизацией; объяснение политической системы СССР как авторитаризма; поиск в социальной и политической структуре СССР элементов плюрализма.

В соответствии с данными схемами советская система рассматривалась как особая форма модернизации под влиянием политико-идеологических (в период В.И. Ленина и И.В. Сталина) и экономических (в период Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева и их последователей) интересов. На этом основании советология заключала: советская модель экономической модернизации измеряется ростом ВВП и может служить образцом для *третьего мира*¹; развитие экономики – главная тенденция современности; СССР двинулся по пути конвергенции с высокоразвитыми странами Запада; советская система – частный случай универсальной модели прогресса; советский авторитаризм после смерти Сталина способен к реформированию; количественное ослабление террора тождественно качественной трансформации системы; корпоративные и групповые интересы свидетельствуют о движении СССР в направлении демократии; советский опыт – это модификация универсальных трансформаций и рациональных структур власти и управления.

---

¹ Например, с середины 1960-х гг. и до настоящего времени западная экономическая теория при исследовании России/СССР использует модель валового национального продукта (ВВП). Но ВВП – не реальный факт, а интеллектуальная конструкция (система измерений), которая не имеет смысла без определенных теоретических посылок. Основанием модели ВВП являются западный опыт и данные. Параметры советской экономики не соответствуют западным моделям измерений. Однако модель ВВП применялась в отношении СССР, что дало апологетические результаты. Считалось, что ВВП СССР образует около 60 % ВВП США. Эту цифру популяризировали известные экономисты и социологи (В. Леонтьев, Дж. Гэлбрейт и др.). Она повлияла на оценки ЦРУ, которые использовали ее для доказательства советской угрозы. Но характерно, что модель ВВП используется до настоящего времени при выработке программ экономических преобразований в современной России (см.: Бирман И. Аномальное полузнайство // Свободная мысль. 1997, № 7).

Таким образом, советологи приписывали целесообразность каждой фазе развития СССР как истории «достижений и успехов», полагая это доказательством самореформирования советской системы. Однако главные постулаты советологии воспроизводят стереотипы советской политики, идеологии и пропаганды на разных этапах существования СССР, а также старые эмигрантские установки¹. Перед началом *перестройки* советология использовала модель модернизации для позитивной оценки советской системы. Согласно такой оценке, советская власть осуществила модернизацию общества и создала развитую урбанизированную сверхдержаву. Она созрела для либеральных реформ, которые преобразуют Россию в «современное» общество. Поэтому переход СССР к демократии может быть эволюционным, а не революционным. Это спорное утверждение свидетельствует о том, что советологические концепции являются дискуссионными и политически ангажированными.

Идеи институционального подхода в современной отечественной науке используют О. Бессонова, М. Глотов, А. Городецкий, Л. Гудков, Б. Дубин, И. Дискин, И. Игошин, О. Иншаков, С. Кирдина, Р. Нуреев, А. Олейник, В. Полтерович, В. Радаев, В. Тамбовцев, А. Шаститко, В. Волконский, Г. Клейнер, А. Эфендиев. Неформальные институты политической власти анализируют М. Афанасьев, И. Бусыгина, Т. Ворожейкина, В. Гельман, А. Даугавет, Г. Дилигенский, С. Елисеев, К. Коктыш, А. Круассан, В. Макаренко, В. Меркель, А. Механик, В. Нечаев, П. Панов, С. Перегудов, А. Рыбаков, М. Урбан, А. Хлопин, Ю. Шелестов и др.

Но в этой литературе слабо изучена теория пат-зависимости настоящего от прошлого, которая разработана признанным лидером институционализма, лауреатом Нобелевской премии Д. Норт, а в России начинает осваиваться по мере проявления институциональных ловушек в ходе реформ (В. Полтерович). Принципиальное значение для России имеет главный вывод Д. Норта: причина стагнации социалистических и постсоциалистических стран — ненадежные институциональные отно-

---

¹ Российская эмиграция (группы «Смена веков», евразийцы, «младороссы» и меньшевики) после их бегства из Германии в США содействовала созданию американской советологии, хотела поставить потенциал эмиграции на службу Советской России, издавала газеты на советские деньги, толковала русскую революцию как творческий процесс, в ходе которого на почве России должен сложиться «новый синтез», признавала большевизм исконно русским явлением. Именно они сформулировали популярные в современной России идеи корпоративизма, третьего пути между либерализмом и большевизмом, национализма и империи. Гестапо отмечало: «Младорусское движение видит в Советском Союзе не представителя большевистской мировой революции, а всего лишь Российскую империю» (см.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 157–159.

шения и структуры; любой анализ перехода к рыночной экономике без институционального подхода к проблемам и событиям ложен; одновременно рынок не является гарантией выбора оптимальных институтов. Поэтому Д. Норт полагает критерии неопределенности и непредвиденных последствий базисными при описании зависимости настоящего от прошлого.

В общем виде смысл теории пат-зависимости состоит в описании жесткой детерминированности выбора «здесь и сейчас» от выбора, сделанного «где-то и когда-то раньше», а также в акценте на инерционность развития. Зависимость от предшествующего развития – это такая последовательность изменений, при которой важное влияние на результат оказывают отдаленные и случайные события прошлого, а не закономерности (Ю. Лагов). Значение пат-зависимости для дальнейшего развития – предмет острых дискуссий, поскольку ее описание невозможно без анализа меры эффективности властно-управленческих институтов всех стран.

В мире существует три типа институциональных систем: развитые институциональные системы Запада; страны и регионы с неустойчивой институциональной средой и системой институтов; пограничные цивилизации с доминированием хаоса над порядком и циклическими вариациями институциональных систем (Г. Клейнер, Я. Шемякин). Россия относится к системам третьего типа. С этими положениями согласны большинство ученых.

Затем начинается поле дискуссии, поскольку теория пат-зависимости Д. Норта направлена одновременно против либерализма, марксизма, теорий конвергенции, модернизации, рынка, групп интересов, рациональности – как раз тех концепций, которые широко распространены в современной России (Б. Мильнер).

Одни ученые используют концепцию Д. Норта для описания и отрицательной оценки жестких базисных структур российского общества (авторитарная система правления, централизованная редистрибутивная экономика, коллективистские традиции) на всех этапах существования России (В. Макаренко, Ю. Пивоваров, А. Панарин, А. Петухов, Л. Писарькова, А. Фурсов и др.). Другие восприняли теорию пат-зависимости как аргумент в пользу централизованной государственной экономики, поскольку рынок и конкуренция не гарантируют выбор самого эффективного варианта. Концепция Д. Норта используется в контексте теории дуальности и цикличности российской культуры (А. Ахиезер), которая отвергает положение о жестких базисных структурах российского общества. При этом положительно оцениваются антиинституты российского общества: подмена общих правил личными отношениями;

массовое неисполнение законов как подданными, так и властями; неуважение к понятию «собственность» и воровство; превращение законов в угрозы и пожелания; недоверие к власти, за исключением самой высшей; коррупция и широкое распространение теневой экономики. Эти антиинституты сохраняются в России до настоящего времени в виде умеренно-авторитарной власти, рыночной экономики с обширным (но бессистемным) вмешательством государства, отсутствия гражданского общества, широкого распространения теневой экономики и коррупции. По мнению А. Ахиезера, никаких изменений здесь не следует ожидать, о чем свидетельствует череда неудачных российских реформ и контрреформ. Но характерно, что тот же А. Ахиезер, С. Цирель и ряд других авторов квалифицируют вершину власти в России как мотор преобразований, а неустойчивость российских институтов связывают с разнообразием нижних уровней иерархии.

Итак, восприятие концепции Д. Норта для анализа зависимости настоящего от российского/советского прошлого обусловлено разными точками зрения на ее эвристичность. Более того, пат-зависимость еще не была предметом специального социально-философского исследования, она не концептуализирована как социальный феномен, определяющий социально-политическую и экономическую реальность в российском обществе. Зависимость от прошлого развития тормозит динамику социальных преобразований, блокирует становление новых институтов, сужает набор альтернатив, что актуализирует рассмотрение пат-зависимости в контексте социально-политических, экономических и социальных отношений в российском обществе, придавая исследованию проблемный характер.

Этим объясняется отбор литературы и **цель исследования** – выявление закономерностей проявления пат-зависимости в процессе институциональных изменений в современных обществах (экономический, социально-политический и социокультурный аспекты).

Поставленная цель выдвигает иерархию **исследовательских задач** теоретического и прикладного характера:

- рассмотреть пат-зависимость как ключевое понятие институционально-эволюционной теории;
- проанализировать понятие и структуру пат-зависимости;
- на основе сравнительных исследований экономических культур развитых стран обосновать социокультурные аспекты пат-зависимости;
- раскрыть связь пат-зависимости и социальной манипуляции;
- на основе теории политического отчуждения выявить проблему пат-зависимости в социальной истории России;
- проанализировать индивидуально-личностные аспекты

инкремент-ных изменений в советский период;

– исследовать связь пат-зависимости со спецификой предпринимательства в современной России.

Объектом исследования в диссертационной работе является пат-зависимость как социокультурный феномен.

Предметом исследования выступают сущностные характеристики феномена пат-зависимости в процессе институциональных изменений в современных обществах.

Теоретико-методологической основой исследования являются принципы институционально-эволюционной теории Д. Норта, а также отдельные положения теории выбора, теории групп интересов, теории революций. Уточнить и дополнить теорию Норта помогли критические оценки либеральной неоклассической теории и неомарксизма. Исследовательскую практику детерминировала концепция исторической обусловленности трансформационных процессов и блокировки неэффективных состояний системы. Использована коммунитаристская модель объяснения социальных наук и, в общем, методологический потенциал коммунитаризма, основные доводы которого базируются на различии между этатизмом и ценностно-ориентированным обществом, актуализируя проблему социальной манипуляции. Анализ пат-зависимости современной России выполнен на основе теорий политического отчуждения и власти-собственности. Основные положения теории силового предпринимательства использованы для анализа непредвиденных последствий российской приватизации, обусловленных в том числе и зависимостью от прошлого. Так, в рамках исследования российской пат-зависимости оказались продуктивными теоретические концепты групп интересов, властно-управленческих структур В. Макаренко, анализ фоновых практик российской культуры О. Хархордина, ценностей силовых структур В. Волкова.

В диссертации применены общенаучные принципы объективности, холизма, системности, диалектический, сравнительно-исторический и аналитический методы изучения социальных явлений.

Научная новизна диссертационного исследования определяется введением в научный оборот социально-философского знания категории «пат-зависимость», что является необходимым звеном в осмыслении всей совокупности процессов социальных изменений и культурного развития.

Содержательно приращение научного знания заключается в следующем:

1. Установлено, что государство – главный источник аномалий, транзакционных издержек, неэффективности экономики и институтов.

В экономике эффективные рынки встречаются редко, а в политике – никогда. Политические решения и политический рынок закрепляют пат-зависимость.

2. Доказано, что анализ структуры пат-зависимости позволяет сделать вывод о том, что никаких объективных причин и «исторической неизбежности» перехода от простых форм обмена и организации к сложным не существует. Общие идеологии не меняют дивергенцию. Но политика всегда поддерживает влиятельные группы сегодняшнего дня. Теория институтов противостоит теориям интересов, классической экономики и социального выбора, поскольку они отражают интересы групп влияния.

3. Теория Д. Норта уточнена на основе социологических исследований экономических культур развитых стран. Конфликт – основа культуры и влияет на экономический выбор. Совершенствование управления (в виде индивидуализма и холизма) одновременно приносит пользу и вред индивидам. Экономика и культура развитых стран не могут служить критерием для суждения об экономиках других стран и регионов.

4. Показано, что проблемно-аналитический потенциал неоинституци-онализма смыкается с коммунитаризмом. Оба направления переосмысливают категории, классификации и стереотипы мышления, укоренившиеся в социальной науке и политике. Это позволяет изучать пат-зависимость в условиях конкретного места и времени.

5. Описана структура интегрального консерватизма как предпосылки использования социальных наук для манипуляции обществом. Интегральный консерватизм отождествляет индивида с данным социально-политическим порядком, уживается с любыми религиями и идеологиями и порождает политическое отчуждение как целостность интересов, политических технологий и идеологий. Этому способствует переплетение власти и собственности. Россия связала власть с собственностью при феодализме и раньше достигла состояния, к которому страны Запада пришли в период позднего капитализма. Любая реформа в России осуществлялась по правилу: уменьшение государственного регулирования одной сферы социальной жизни сопровождалось ростом регуляции другой сферы для компенсации потерь и сохранения максимальной сферы социального контроля. Русский либерализм, социализм и ленинизм не свободны от интегрального консерватизма.

6. Доказано, что под влиянием связи власти-собственности-идеологии в России возник специфический холизм – тип индивида, коллектива и личности. Отношение к коллективу и личности в коммунистическом дискурсе восходит к дискурсу Православной церкви: взаимный

надзор и увещевание – главная пат-зависимость российско-советской истории. Главное инкрементное изменение советской культуры – обличение как выявление личности.

7. Установлено, что при анализе различий между формальными и неформальными организациями в современной России надо учитывать воспроизводство отношений силы. Государство способствует адаптации к новым условиям силовых групп и структур. Индустрия частных охранных услуг возникает при низком обоюдном доверии между сторонами договора, при отсутствии у населения авторитета права и слабости государства.

Новизна постановки проблемы и полученные результаты исследования нашли отражение в основных тезисах работы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Институты порождают «эффект блокировки» социально-экономического развития, разрывают идеологии (социальные теории) и реальность, повышают трансформационные и трансакционные издержки. Суть дилеммы современного социального развития – двойственность государства и своекорыстие государственного аппарата. Ментальные конструкты бизнесменов, управленцев и политиков повышают трансакционные издержки и цену убеждений. Культурное наследие поддерживает технологические и институциональные аномалии. На протяжении большей части истории опыт бизнесменов и идеология политиков не производили эффективных последствий. Этот феномен выражен в эффекте пат-зависимости. Институциональная система любой экономики порождает продуктивные и контрпродуктивные стимулы. В любом обществе существуют индивиды, организации и группы давления, которые блокируют рост производства и знания, порождают военное управление обществом, религиозный (идеологический) фанатизм. При неизменности институтов любое кратковременное своекорыстие постоянно неэффективно. Бюрократия, армия, церковь опираются на институциональную структуру, которая всегда блокирует развитие.

2. Трансакционные издержки зависят от меры справедливости социальной системы. Снижение издержек выражения взглядов (идей, идеологий) повышает роль институтов. Идеи и идеологии формируют ментальные конструкты, с помощью которых индивиды понимают мир и делают выбор. На протяжении истории люди шли на жертвы ради идеологий. Тем самым идеологии становятся источником институциональных убеждений. Теория революций – необходимый элемент анализа общества. Она позволяет установить меру революционности, эволюционности и контрреволюционности социальных институтов и организаций. Концепции времени влияют на экономику, социальный порядок,

управление, политику, типы менеджеров и культурно-исторические стереотипы. Теория пат-зависимости базируется на типичном для евро-американской социологии разделении на общество и общину (формальные и неформальные отношения), которое, однако, не универсально. Если считать капитализм игрой по строгим правилам, трудно провести различие между пат-зависимостью и стремлением развитых стран навязать всему миру свою идеологию и культуру. Развитые страны наиболее идеологизированы. Связь идеологий, культур и экономик выражается в индивидуалистической и холистической модели.

3. Индивидуалистическая модель наиболее выражена в США и Англии. Она навязывает определенную идеологию и порождает множество непредвиденных следствий (идеализация точных наук; бюрократизация жизни; предпочтение экономики и права качеству товаров, творческих способностей и человеческих связей; превращение экономистов и юристов в господствующий класс; рост преступности, социальной, управленческой и политической лжи; паралич культуры). США и Англия – это *блокированные общества*, в которых индивидуальные интересы блокируются групповыми. Перед ними стоит угроза рынка с нулевыми доходами, а опыт централизованной экономики увеличил угрозу.

4. Холистическая модель (Германия, Япония, Франция) включает следующие характеристики: господство универсализма, синтеза, коллективизма; связь индустриализма с национализмом и догоняющей модернизацией; использование геополитики для реанимации авторитарной власти, централизованной экономики и унитарной идеологии. Эта модель предлагает третий путь властно-управленческим аппаратам стран, которые хотят расстаться с коммунизмом, но не желают потерять накопленных при советской власти привилегий. Однако холизм не дает возможности установить индивидуальную ответственность за любой экономический, технологический и политический выбор. В этом случае выбор объясняется своекорыстием государственного аппарата, ведет к технологическому эпигонству и социальной мимикрии. Холизм порождает феномен неререформируемости социально-политических систем и выражается в неэффективности промышленной и экономической политики, коллаборационизме бизнесменов и менеджеров, переплетении культа вождей и власти с повстанческо-революционной культурой.

5. Коммунитаристская модель стремится преодолеть недостатки индивидуализма и холизма, базируется на различии между этатизмом и ценностно-ориентированным обществом, отвергает ведущую роль экономики, фиксирует скрытую гражданскую войну между разновидностями капитализма, провозглашает приоритет культуры. Коммунитаризм отвергает концепции, которые оправдывают власть экономических,

юридических, религиозных, военно-промышленных и идеологических аппаратов, соединяет позитивные свойства японской и европейской экономических культур. Коммунитаризм развивает и дополняет главные идеи институционально-эволюционной теории: сотрудничество – основная характеристика социальной жизни; государство – позитивно-негативный феномен социальной жизни. Коммунитаризм полагает манипулятивные отношения главным предметом социального анализа. Социальные фигуры – главные агенты манипулятивных отношений. Они связывают экономическую, социальную и политическую сферы. Заменяют ценность истины ценностью успеха, рациональности, эффективности и пр. Идеологема индивидуального и социального выбора маскирует тотальный произвол. В обществе постоянно сужается сфера рационального поведения и мышления индивидов. Базовые понятия демократии (гражданское общество, государство, рынок, бюрократия, права человека, оппозиция, полезность, успех, рациональность, консенсус и пр.) есть комплекс юридических и политических фикций.

6. Государственные аппараты демократических стран не выражают общих интересов и не являются ценностно-нейтральными. Главные свойства госаппаратов и учебных структур по подготовке государственных служащих и специалистов по бизнесу и менеджменту: неспособность предвидеть течение социальных процессов, дилетантизм, действие методом проб и ошибок, произвол, нелегитимность. Коммунитаризм направлен против либерализма, поскольку последний оправдывает манипуляцию электоратом с помощью демократической риторики. Демократическая риторика скрывает социополитические процессы. Либерализм разрушает социальные связи, необходимые для конституирования политической общности. Организация современной экономической, социальной и политической жизни не дает возможности сформироваться такой общности. Главный тезис коммунитаризма – для выражения общих интересов государство должно отбросить манипулятивные отношения. Однако ни в одной стране не сформировалось большинство, способное противостоять фигурам Потребителя, Терапевта, Социального Реформатора-Менеджера. Власть недемократична, если не желает формировать антипотребительское, антитерапевтическое и антименеджерское большинство.

7. Все идеологии выдвигают гипотезы об идеальном обществе, соотношении средств и целей по его достижению. Эта гипотеза объективируется в нормативно-ценностном порядке, влияющем на политическую практику и социальную науку. Для блокировки проблемы соотношения средств и целей используются социальная инженерия и наука. Идеология власти скрывает следующие факты социальной жиз-

ни: отношение власти и граждан всегда опирается на насилие и манипуляцию; власть всегда заинтересована в предельном подчинении общества; деление людей на властвующих и подвластных вечно, а общность их интересов – явление случайное; поэтому любая власть легитимна и нелегитимна одновременно. Перечисленные феномены воплощаются в комплексе власть-собственность-идеология – непредвиденном следствии отождествления единичных, групповых и общих интересов с историческими и политическими формами их институционализации.

8. Социальная история России позволяет уточнить теорию институтов. Политическая конкуренция в России стала предпосылкой скачка в развитии власти. Власть в России несколько раз оказывалась перед выбором: быть свергнутой или усилить угнетение? – и всегда шла по второму пути. В России создан первый в Европе двойной класс помещиков-дворян, который соединил политическую и экономическую власть и сформировал госаппарат – наиболее важный элемент политического отчуждения. Власть создавала квазисобственность и классы по своему произволу. В России сформировалась специфическая система собственности: собственник мог поступать с землей и людьми по своему произволу, но в любом случае был обязан служить государству. Государство скрывалось за произволом собственника и одновременно выступало мнимым покровителем интересов общества. В результате государственный патернализм приобрел ранг политико-экономической традиции. Российское государство – главный фактор трансляции отношений власти-собственности. Социальное развитие России определялось борьбой политических классов, обладающих или претендующих на монополию власти-собственности. Идеальный тип русского капитализма включает следующие элементы: переплетение власти с собственностью; падение эффективности производства по мере участия в нем государства; специфическая конкуренция – замена принципа заработка на основе деятельности другого человека принципом господства над этой деятельностью; властитель-эксплуататор получает деньги за принятие экономических решений, выгодных для обычных эксплуататоров.

9. Связь власти с собственностью и идеологией повлияла на революционный процесс в России. Дореволюционная институциональная матрица предвосхитила социализм в России. Российская революция – это перенос в новые условия правил деятельности военно-промышленного комплекса. Общий интерес традиционной власти – принудить к зависимости как можно больше людей, демонстрировать свое социальное присутствие, силу и формальные действия в обратной пропорции от содержательного действия. В этом Россия не отличалась от других стран. Но на общий интерес накладывался особый интерес русской власти –

одновременное господство над производителями и потребителями. В ходе революции властители-собственники научились комбинировать насилие, голод, властно-бюрократические, либерально-буржуазные и социалистические элементы ради манипуляции и рационализации одновременного контроля политики и экономики.

10. Идеальный тип власти-собственности включает следующие свойства; потеря индивидами и группами независимых от государства источников существования; отсутствие у власти-собственности нужды в поддержке со стороны подданных, поскольку это наносит ей вред; власть-собственность составляет единственное основание своей физической, экономической и духовной власти; подданные поддерживают власть-собственность, поскольку передают ей свой произвол; явное и скрытое презрение ко всем, кто не входит в структуру власти-собственности; главный интерес власти-собственности – подчинение максимального числа людей в сфере экономики, политики и культуры. Эта система сложилась до русских революций 1917 г., поэтому модернизация СССР была связана с усилением экономического, политического и идеологического отчуждения.

11. Российско-советский холизм базируется на органической связи православного и большевистского отношения к индивиду, коллективу и личности. Главные пункты сходства православного и коммунистического дискурса – воспитание, увещание, исключение. Главные отличия православного и коммунистического дискурса состоят в следующем: сознательность (совесть) объединяет протестантов и большевиков; в основе индивидуальной души на Западе лежала исповедь, а в основе индивидуальной души в России – покаяние; православно-коммунистическая коллективность закрепила практику горизонтального (а не вертикального, как на Западе) надзора; тирания власти в СССР опосредовалась коллективом; неформальные нормы массового поведения в СССР – это добровольный взаимный надзор.

12. Связь Православной церкви и большевистской партии породила специфическую пат-зависимость, в состав которой входят: дискурсы чисток, трактовки медицинских проблем индивидуального тела, критики и самокритики, слияния чистки сверху и самокритики снизу, констелляция чистки, самокритики и коллектива как предпосылка террора, диалектика (в виде «линии партии»), ударничество. Советский индивидуализм возник в правящей партии как реакция на криминализацию общих практик поведения. Главная цель российско-советской индивидуализации – поиск скрытых мотивов поведения людей. Отсюда вытекает ряд непредвиденных следствий советской системы: становление массового лицемерия; культивирование публичной лояльности принятому

образу жизни взамен действительной сознательности; покорное участие в ритуалах системы, подавляющей политические свободы, давало все больше социальных свобод, гарантирующих потребление и преуспевание взамен свободы совести; преобразование подвластных партийно-хозяйственному активу предприятий в частную лавочку.

13. В СССР сложилось иное соотношение формальных и неформальных правил, нежели полагает Д. Норт. Неформальные правила и коллективы создавались не ради соблюдения договора и достижения духовных ценностей (честь и справедливость), а для противостояния администрации. Эти группы культивировали советские механизмы интеграции и были поглощены циничной борьбой за увеличение материального достатка и социальное признание. Советская система дара состоит в отбрасывании истины и тотальной социальной лжи. Политическая рутина на закате советской власти базировалась на логике церковного суда и привела к становлению неформальных практик обличения как аналога официальных мероприятий. В целом альтернатива «коллективистской России» и «индивидуалистического Запада» не подтверждается современными исследованиями.

14. Суть неформальных отношений собственности в России – отношения между владельцами средств насилия. Владельцы средств насилия используют физическое устрашение и персонифицированные неформальные связи для создания искусственного спроса при решении транзакционных проблем. Из-за этого правовые и неправовые методы решения имущественных и иных споров переплетаются. Вслед за государственными, частные силовые структуры действуют так, чтобы извлекать выгоду при любых условиях. Силовые структуры преобразуют термины уголовного языка для маскировки собственной реальной практики. Уголовные группы повышают ценность информационных ресурсов государственных силовых ведомств. Те и другие с помощью насилия и манипуляции повышают косвенное управление социальными событиями, группами и обществом.

15. В современной России частные и государственные охранные предприятия, органы правопорядка и госбезопасности используют силовые и информационные ресурсы для предоставления коммерческих услуг. Отсюда вытекает дилемма: если частные и государственные силовые структуры определяют и контролируют права собственности, они не могут выработать эффективную экономическую политику; если государственные служащие имеют доступ к силовым и информационным ресурсам, они всегда извлекают доход от распоряжения этими ресурсами как частные лица. Приватизация силовых ведомств и преобразование их в агентов экономического рынка – важнейшее непредвиденное

следствие политических реформ. Вместо *невидимой руки* рынка идет рост неформальных и формальных силовых структур. Поведение государственных служащих при переходе к рынку отличается массовым оппортунизмом, ведет к структурному разрушению государства и выражается в росте военного, правоохранительного и административного аппарата. Использование силовых и административных ресурсов по усмотрению отдельных фракций госаппарата – проявление слабости государства. Действия силовых предпринимателей привели к тому, что специалисты в сфере социальных наук и СМИ используются для закрепления сложившихся тенденций.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы определяется тем, что на ее основе возможна разработка ряда программ:

- курсов и спецкурсов по отдельным разделам социальных, экономических, политических и исторических наук;
- институциональных изменений структур принятия решений в экономике, политике и идеологической сфере общества;
- принятия решений в сфере политики в области естественных и социальных наук;
- сужения юридической, психологической и политической сфер пат-зависимости;
- анализа деятельности политических партий, исполнительной, законодательной и судебной власти России с учетом сформулированных выводов.

В целом теория пат-зависимости позволяет определять эпистемологический статус различных когнитивных практик в социогуманитарном познании. Когнитивный потенциал этой теории дает возможность осуществлять эффективный методологический выбор при решении определенного класса исследовательских задач. Конкретные проблемы теории пат-зависимости содержат методологические установки, позволяющие эффективно изучать сложные социально-политические процессы.

Результаты диссертационного исследования нашли практическое применение при разработке научных и учебных проектов, посвященных исследованию отдельных аспектов структурных социально-политических и экономических трансформаций в современной России.

Апробация работы. Основные положения и выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, докладывались и обсуждались на II Всероссийской научной читательской конференции «Актуальные социально-политические и правовые проблемы развития российского общества» (Краснодар, 2007 г.), IX Международной научно-практической

конференции «Развитие прикладных исследований в праве и экономике на основе институциональной теории» (Брест, 2008 г.), Международной научно-практической конференции «Проблемы экономики, организации и управления предприятиями, отраслями, комплексами в разных сферах народного хозяйства» (Новочеркасск, 2008 г.), межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы воспитания толерантности и профилактики экстремизма в молодежной среде» (Ростов-на-Дону, 2008 г.), межрегиональной научной конференции «Неделя науки» (Ростов-на-Дону, 2008 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы правоприменительной и правоохранительной деятельности в современных условиях» (Новочеркасск, 2008 г.), научно-теоретической конференции «Девятые всероссийские научные чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы» (Новочеркасск, 2008 г.), III Всероссийской научной читательской конференции «Актуальные социально-политические и правовые проблемы развития российского общества» (Краснодар, 2008 г.). Содержание диссертации отражено в 35 научных публикациях, включая 1 монографию, 8 научных статей, опубликованных во всероссийских научных журналах, входящих в перечень ВАК Минобрнауки Российской Федерации, 6 брошюр. Общий объем публикаций составляет 32 п. л. Диссертация обсуждалась и рекомендована к защите на кафедре социологии, политологии и права Института переподготовки и повышения квалификации Южного федерального университета.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, семи глав, включающих двадцать один параграф, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении освещаются актуальность темы исследования, степень ее научной разработанности, определяются его цель и задачи, формулируются новизна исследования и основные положения, выносимые на защиту, раскрываются теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования и их апробация.

Глава 1 «Теоретико-методологические основания анализа пат-зависимости» посвящена рассмотрению основных идей институционально-эволюционной теории, критике неолиберальных теорий и концептов, анализу понятий дивергенции и сотрудничества, в ней также рассматриваются социальные нормы и трансформации, дуализм государства и диффузия институтов.

В параграфе 1.1 «Институционально-эволюционная теория как методологическая основа для исследования пат-зависимости» анализируются различия между институтами и организациями, социальная роль институтов и центральная проблема интегрального социального анализа Д. Норта: «Главная загадка человеческой истории – как объяснить широкую дивергенцию (расхождение) траекторий исторических изменений»¹ – появление совершенно разных обществ с точки зрения религиозных, этнических, культурных, политических, экономических критериев. Описаны два объяснения причин указанных различий: эволюционная и институциональная гипотезы. Анализируются конкретные аспекты различий – конфликт институтов и организаций, «эффект блокировки», действия политиков и бизнесменов, причины неэффективности прав собственности, устойчивости и неожиданных следствий разных траекторий развития как проявления феномена пат-зависимости.

Автор показывает ложность посылок и выводов неолиберальной теории, теории игр и концепта индивида, детально рассматривает главные проблемы (размер группы и соотношение издержек и выгоды, связь анархии с социальным порядком, частичный альтруизм индивидуального поведения) коллективных действий больших групп. Государство способствует сохранению неэффективных институтов, сужает время экономической деятельности, разрывает мотивы индивидуальной деятельности и социальное благосостояние, порождает аномалии и пренебрегает успешной экономической политикой.

Вслед за Д. Нортом, диссертант пересматривает этатистскую тра-

---

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. Предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 21.

дицию социального и политического анализа, показывает ложность посылок, аргументов и выводов теорий конкуренции, рационального выбора и полезности, ставит проблему цены убеждений, сравнивает социобиологическую и альтруистическую модели, описывает феномены неадекватности знания, неэффективности институтов, встроенного набора институтов, ментальных конструкций, идеологий как ответа на неопределенность окружающего мира и личного опыта и представлений о справедливости.

Теория институтов продуктивна для исследования феномена пат-зависимости и представляет собой слияние теорий поведения, транзакционных издержек и производства для объяснения социально-экономической роли институтов. Все институты функционируют на основе затратности информации. Поэтому понятие выгоды нуждается в пересмотре. Главные направления пересмотра – анализ транзакционных издержек, асимметрии информации и собственности, отношений «хозяин – раб», «принципал – агент», производственных иерархий, типов и институтов обмена. Институты сводят к минимуму неопределенность отношений, структурируют типы обмена с транзакционными издержками. При этом государство всегда было одновременно и источником опасности (высоких транзакционных издержек), и защиты (обеспечения прав собственности). Но в сложных обществах все более выгодны оппортунизм, обман и мошенничество. Высокая производительность общества исключает политическую анархию, но эффективное обеспечение соглашений государством достигается набором формальных юридических правил и неформальных ограничений. Такова дилемма институциональной эволюции.

Ей посвящен *параграф 1.2 «Социальные нормы и их трансформации в дискурсе пат-зависимости»*. Люди структурируют отношения с помощью формальных и неформальных правил. Но одни и те же правила в обществах проявляются по-разному. Дискретные институциональные изменения (революции, военные завоевания, захваты) порождают новые формальные правила. Однако революционеры, захватчики и колонизаторы не учитывают сохранение старых элементов в ответ на полное изменение формальных правил. Культура (межпоколенческая передача знаний, ценностей и других факторов поведения) обеспечивает непрерывность, благодаря которой прошлые неформальные правила переносятся в настоящее и делают их источником непрерывных изменений. На этом основан механизм воспроизводства пат-зависимости.

Диссертант считает, что для понимания непрерывности надо учитывать основные свойства традиционного общества, природу социальных норм, конфликт богатства и других ценностей, соотношение идей

и экономики, формальных и неформальных ограничений, правил и интересов, механизм эволюции политических систем, различные модели сообществ и пределы демократии. Эволюция политических систем от абсолютной власти к современной демократии считается ростом политической эффективности. Но эффективность политики не имеет ничего общего с эффективностью экономики. Эффективные экономические рынки базируются на сильной конкуренции. Но такие рынки в экономике встречаются редко, а в политике – почти никогда. Движение к демократии снижает законодательные транзакционные издержки каждого акта обмена. Но издержки отношений между избирателем, законодателем и чиновником возрастают по мере роста числа политических обменов. Отсюда вытекает неэффективность политического рынка. Эффективные права собственности возможны, если политические транзакционные издержки низки, а политические актеры руководствуются точными и долгосрочными моделями. На деле этого не бывает, а изменения идут хаотично.

При этом надо учитывать различие между правами собственности и набором альтернатив, природу и недостатки правил, прав собственности и контрактов. Явные правила – основной источник для изучения состояния экономик. Но связи между правилами и состоянием экономик неоднозначны. Неформальные правила и механизмы принуждения определяют набор альтернатив и результаты выбора. Поэтому, считает автор, учет только формальных правил не дает адекватной картины состояния экономики.

Параграф 1.3 «Дуализм государства и диффузия институтов: основные предпосылки воспроизводства эффекта пат-зависимости» посвящен описанию главной дилеммы развития: «Мы не можем обойтись без государства, но и не можем сосуществовать с ним»¹. Суть дилеммы сводится к своекорыстию госаппарата. Поэтому реальный рынок есть диффузия институтов. Институциональные ограничения определяют свободу индивида, образуют систему формальных и неформальных ограничений и формируют набор альтернатив. Устойчивость институтов вытекает из ограничений конкретного выбора и соотношения сил индивидов и организаций. Существенное изменение формальной институциональной системы возможно только тогда, когда в нем заинтересованы влиятельные группы. В то же время комплекс неформальных и формальных ограничений создает возможность непрерывных периферийных изменений, которые меняют всю институциональную систему. В ней складывается иной набор альтернатив, по сравнению с исходным.

---

¹ Норт Д. Указ. соч. С. 81.

Главное свойство институциональной системы – транзакционные издержки. Они состоят из измеримых и трудноизмеримых издержек. Трудноизмеримые издержки затрудняют точную оценку общей величины транзакционных издержек, порождаемых конкретным институтом. Эффективность институтов зависит от способности такой оценки. Уровень кредитного процента на рынке капитала – самое явное выражение эффективности институциональной системы. Она играет важную роль в функционировании экономики, но институциональные правила повышают транзакционные издержки. Поэтому рынок в целом есть смесь институтов: одни увеличивают, другие снижают эффективность. Социалистические (постсоциалистические) страны и страны *третьего мира* – пример неэффективности институциональной системы. Все перечисленные элементы порождают эффект пат-зависимости.

В диссертации подчеркиваются парадоксальные послышки институционально-эволюционной теории. На первый взгляд, экономические, политические и идеологические институты создаются для достижения соответствующих целей. На деле эти институты тормозят развитие экономики, политики и идеологии, порождая множество транзакционных издержек. Социальные трансформации связаны с социальными нормами. Внешние правила (в отличие от добровольных ограничений) всегда можно нарушить. Поэтому обман и оппортунизм – универсальные свойства современного общества. Чем больше политики, тем она дороже. Тем самым институционально-эволюционная теория направлена против всех теорий конвергенции, поскольку они обходят эти социальные свойства.

Глава 2 «Структурные факторы-детерминанты пат-зависимости» посвящена проблемам соотношения знаний, технологии и идеологии; связи институциональной системы, знаний и навыков; инвестициям в знание; различиям эффективности.

В параграфе 2.1 «Эффективность институтов и институциональные трансформации» обсуждаются амбивалентные отношения между знанием, технологией и идеологией, различие аллокативной и адаптивной эффективности. Институты создают разные стимулы для развития знаний, определяют выгодность видов деятельности, адаптивную эффективность экономических и политических организаций, правила входа на рынок, структуры управления, гибкость организаций, правила стимулирования развития и применения знания, творческих способностей, конкуренцию, децентрализацию решений, контракты на права собственности, законы о банкротстве и правила устранения проигравших экономических и политических организаций. Но создать адаптивную экономику и политику крайне трудно. Аллокативная политика способствует выживанию наличных экономических и политических ор-

ганизаций и решений, направленных против процесса созидательного разрушения. Автором описаны соотношение цен и идеологий, их роль в институциональных изменениях, макро- и микроуровень культурного наследия, соотношение инкрементных и дискретных изменений, главные проблемы всех революций, конфликт формальных и неформальных ограничений в мирные и революционные периоды.

Главный вопрос изменений – дивергенция обществ, политических систем и экономик. Устойчивость слабых экономик и дивергенция социально-экономических систем имеют один корень. Для обоснования этого положения обсуждается ряд проблем: механизмы самоподдержки технологий; ментальные конструкции; эффект пат-зависимости; типы институциональных реакций; пределы эффективности; неопределенность решений. На протяжении большей части истории опыт экономических агентов и идеология политических игроков почти никогда не соединялись для производства эффективных последствий. Об этом свидетельствует пат-зависимость от траектории предшествующего развития: «Нельзя понять альтернативы, с которыми мы сталкиваемся сегодня...не проследив путь инкрементного развития институтов. Но сейчас мы находимся еще в самом начале решения трудной задачи – изучения тех результатов, к которым приводит эффект зависимости от траектории предшествующего развития»¹.

Институциональная система порождает продуктивные и контрпродуктивные стимулы. Поэтому история любой страны соединяет разные тенденции развития. Обычно политики и бизнесмены не думают о будущем, а используют выгодные краткосрочные альтернативы. Но политики и бизнесмены ограничены институтами, не знают способов и не имеют гарантий достижения целей, и их деятельность соответственно порождает непредвиденные следствия. При неизменных институтах любое краткосрочное своекорыстие становится постоянно неэффективным. Все прошлые и настоящие политические и экономические решения фиксируют пропасть намерений и следствий.

В *параграфе 2.2 «Институциональные ограничения в структуре пат-зависимости: модель политико-экономического процесса»* отмечается парадокс политического рынка: социальный контроль экономики порождает неэффективные права собственности, а эффективные права собственности затрудняют контроль за их соблюдением. Институциональные антистимулы провоцируют людей нарушать обещания, уклоняться от ответственности, воровать и обманывать. Поэтому неформальные правила направлены на подавление всеобщей лжи, безответственности и воровства. Но для культивирования таких рынков

---

¹ Норт Д. Указ. соч. С. 130.

нужны крайне жесткие институциональные условия, которые определяют модель политико-экономического процесса: каждая экономическая (и политическая) модель соответствует институциональным ограничениям конкретного места и времени, описание которых необходимо для развития экономики и решения политических проблем. На основе данной модели конституируется институциональная компаративистика, включающая анализ конкретных проблем (критериев) различных путей развития: исторический фон, степень централизации институциональной системы, развитие организационных структур, пат-зависимость, влияние на дальнейшее историческое развитие, идеологическое посредничество. В итоге, диссертант делает вывод: если армия, церковь и бюрократия – главные статьи расходов и самые выгодные занятия, то такая институциональная структура разрушает стимулы продуктивности и ведет государства к застою и упадку.

Пат-зависимость выражается в институциональной матрице, которая ведет экономику каждой страны по своему пути развития, сужает выбор, не позволяет радикально менять институты, не обеспечивает политическую стабильность и не реализует потенциал технологии. Дивергенция возрастает, несмотря на посредничество общих идеологий. Этот вывод автор аргументирует в ходе анализа стадий экономической истории, специфики транзакционных издержек на каждой из них, стимулов и барьеров экономики, географических проблем расширения торговли, влияния религии, принудительного политического порядка, международной специализации и разделения труда. Никаких объективных причин и «исторической неизбежности» перехода от простых форм обмена и организации к сложным не существует. Но в любом случае армия, церковь и бюрократия транслируют первобытные формы обмена и социальную инерцию, тормозят институциональные инновации и обуславливают экономический крах страны. Ключевой элемент институциональной трансформации – ограничение произвола власти и развитие неперсонифицированных правил. Диссертант описывает связь изменений с формами развития и применения знаний, экономической и политической структурой общества, конкуренцией политических организаций, упадком влияния церкви и развитием способов ведения войны.

В параграфе 2.3 «Социально-экономическая обусловленность институциональных изменений» автор анализирует соотношение клиометрии и технологии, ошибки либеральной неоклассической теории и неомарксизма (в виде теорий конвергенции, модернизации, империализма, зависимости центра от периферии, эксплуатации). Убедительность всех этих теорий пропорциональна их способности доказать: институты порождают теоретически предусмотренные неравные ре-

зультаты. Между тем это доказать невозможно. Нужны систематические эмпирические исследования для установления институциональных корней издержек, непродуктивности экономик и источников появления непродуктивных институтов.

Диссертант суммирует наиболее важные идеи институционально-эволюционной теории: большое значение процесса созидательного разрушения; без теории революции невозможно адекватно судить о развитии общества, включая мелкие и незаметные изменения; революции и гражданские войны не могут изменить институциональную матрицу; по мере создания любой новой власти революционеры превращаются в контрреволюционеров; виновниками тотальной лжи, безответственности и воровства являются не столько индивиды, сколько социальные институты; эффективность государства зависит от того, насколько оно исключает прямой и косвенный грабеж подданных; бюрократия, церковь и армия – самые непродуктивные институты, поскольку их служащие используют аппарат в своих интересах. Д. Норт поставил проблему создания политики, расшатывающей существующие стимулы и организации, и углубленного анализа связи экономики и культуры.

В главе 3 «Социокультурные аспекты пат-зависимости» отмечается, что после распада социалистического лагеря потеряло смысл деление социальных систем на капитализм и социализм. Социальные науки используют понятие социально-экономических моделей (далее – СЭМ). СЭМ – это комплекс институтов, определяющих характер социальной и хозяйственной системы, механизмы, обеспечивающие их дееспособность, единство правил, норм и обычаев хозяйствования, форм взаимодействия субъектов хозяйственной жизни, регулирование хозяйственного порядка и хозяйственных процессов со стороны государства. Институциональная структура СЭМ включает ценностный уровень, а также уровни идеологических, правовых, политических институтов. К основным СЭМ принято относить англосаксонскую либеральную модель (протестантский капитализм), западноевропейскую социал-демократическую модель (католико-протестантский капитализм), дальневосточную патриархально-корпоративную модель (конфуцианский капитализм), мусульманскую авторитарную модель. Концепция пат-зависимости позволяет углубить эту классификацию.

В параграфе 3.1 «Стратегии создания богатства как отражение национальной специфики экономических культур» показано, что «страны семерки» кардинально различаются на уровнях повседневной жизни, социального содержания труда, отношения к бизнесменам-менеджерам, стиля управления персоналом, тактики сделок, а также универсальных ценностей (критериев оценки). Эти явления углубляют

эффект пат-зависимости. Для Д. Норта Англия и США – пример современной эффективности и неэффективности институциональной матрицы, а также критерий оценки экономик других стран и регионов. В сравнительной социологии идеи Д. Норта используются для критики моделей экономических культур стран Запада.

В параграфе 3.2 *«Индивидуалистическая модель экономических культур»* подвергаются критике отрицательные следствия экономических культур США и Англии, которые базируются на идее универсализма: идеализация точных наук, бюрократизация жизни и поведения, рост преступности, социальной, управленческой и политической лжи, паралич культуры, жесткий и мягкий тип универсализма, вера в прибыль, миф «всепобеждающего индивида», пуританская этика, культурные склонности американцев, прагматическое отношение к законам и большим экономическим структурам, концепция времени, вера в объективный безличный порядок, типы менеджеров, специфическая трактовка отношения между достижением – приписыванием статуса, конфликт между группами «выдающихся работников» и «вечных неудачников», механического и органического порядка и т.д. Диссертант описывает 12 метафор, каждая из которых отражает культурно-исторические стереотипы стран, влияет на предпринимательство, управленческий труд, социальный порядок и экономическое развитие и воплощает специфику пат-зависимости.

Теория Д. Норта базируется на посылах: капитализм – игра по строгим правилам; дивергенция – закон развития западного капитализма. Но в последние десятилетия XX в. англосаксонские страны навязывают парадигму своей культуры остальному миру. На деле «...в современной Англии господствует уже не «мерзкое лицо», а отвратительная задница капитализма... И потому современные британские экономисты упорно модернизируют мрачное знание. Его новейшей версией является закон Гудхарта: «Если правительство в любой момент времени решит принять любую статистическую связь основанием своей политики, в то же мгновение эта связь распадается, и как раз с такой ситуацией мы имеем дело в настоящий момент»¹.

В параграфе 3.3 *«Холистическая модель экономических культур»* автор описывает экономические культуры Германии, Франции и Японии на основе параметров их отличия (фактор времени, стратегия развития, роль правительства, система образования, специфика экономики, социальная политика, трудовые отношения, философия развития, специфика перехода от феодализма к капитализму, финансирование про-

---

¹ Hampden-Turner C., Trompenaars A. Seven Cultures of Capitalism. Amsterdam, 1998. P. 298.

мышленности) от экономических культур США – Англии. Экономика англо-язычных стран отличается разделением государственного и частного сектора. Экономика Германии – результат взаимодействия групп, корпораций, банков, потребителей, снабженцев, профсоюзов, системы образования, а не достижение отдельных лиц (фирм). Технологическое эпигонство Германии объясняется факторами германской культуры: двойственное отношение к деньгам; «германская душа»; система образования; отношение к инновациям. Автором рассмотрены следствия указанных факторов.

Затем диссертантом проанализированы параметры и непредвиденные следствия экономических культур Японии и Франции. Теория Д. Норта базируется на различии между *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, которое введено Ф. Теннисом и образует краеугольный камень западной социологии. Японцы отвергают это различие. С другой стороны, множество революций во Франции иллюстрирует феномен нереформируемости (пат-зависимости) социально-политических систем и преобладание неформальных связей над формальными. Поэтому не только пат-зависимость (как полагает Д. Норт), но и конфликт индивидуализма и холизма породил различия экономических культур. Этот аспект упущен из виду в теории Д. Норта. В процессе поиска альтернативы индивидуализму и холизму важны следующие моменты совпадения эффекта пат-зависимости с результатами компаративного изучения культур: повстанческо-революционная культура – важный фактор социального развития; но революции увеличивают сферу неформальных связей, социальную манипуляцию и способствуют нереформируемости социально-политических систем; бизнесмены, менеджеры и ученые-эксперты обычно являются коллаборантами и сотрудничают со своей и чужой властью.

В главе 4 «Пат-зависимость и проблема социальной манипуляции» для дистанцирования от индивидуализма и холизма (наряду с концепцией Д. Норта и результатами сравнительных исследований) используется коммунитаризм. Он объединяет противников индивидуализма и холизма, отвергает одновременно главную роль экономики и государства в социальной жизни и базируется на различии между этатизмом и ценностно-ориентированным обществом. Этатизм полагает нормой государственное вмешательство в экономику. Ценностно-ориентированное общество направлено на пересмотр экономических, технологических и политических перспектив развития и подчинение экономики целям равенства, свободы, справедливости. Коммунитаризм – это реакция на множество конфликтов современного общества.

В параграфе 4.1 «Компаративно-социологический анализ моделей социального развития: конфликты современности» подвергает-

ся критике концепция Ф. Фукуяма, который рассматривал распад СССР как «конец истории» и начало либеральной эры. Автор предпочитает точку зрения, согласно которой распад СССР свидетельствует только о поражении русско-советской версии социализма, но не о победе капитализма: «Капитализм не может считаться победителем, поскольку у него еще не было достойных соперников. Победоносный синдром капитализма все более опасен и угрожает будущему. На наших глазах начинается гражданская война между разными капиталистическими странами. Она напоминает войну с религиозными ересями, но является еще более жестокой, поскольку ведется скрыто»¹.

В настоящее время капиталистические страны раскололись по отношению к следующим вопросам: иммиграция рабочей силы, причины бедности, расходы на социальную сферу, уровень зарплаты, специфика налоговой системы, число законов и их стражей, пропорция между банком и биржей, отношение власти к пайщикам акционерных обществ, менеджерам, рабочим и клиентам, роль предприятия в повышении квалификации, роль страхования. Различное решение данных вопросов усиливает конфликты между странами. Коммунитаризм предлагает решать проблему выбора путей социального развития в XXI в. независимо от конфликта капитализма с коммунизмом и в этих целях пересматривает задачи социальных наук.

В параграфе 4.2 «Образ общества и система фикций в философско-теоретическом обосновании коммунитаризма» показано, что в коммунитаризме главная задача социальных наук формулируется как разработка теоретической основы глубинной критики всей системы политических институтов и дебатов стран Запада. Эта система претендует на рациональность. Однако политические дебаты и академические дискуссии не имеют отношения к рациональности. Научные и властно-политические критерии в дебатах и дискуссиях стали неразличимы. В результате открывается широкое поле для манипуляции. Описано множество ее аспектов, включая фикции рациональности, эффективности, оптимальности, успеха, рациональной бюрократии, прав человека, оппозиции, полезности и пр.

Автор диссертации уточняет проблемы, поставленные Д. Нормом. Коммунитаризм показывает ложность критерия эффективности как основания социального авторитета государственных аппаратов: «Вся концепция эффективности...не отделима от модуса человеческого существования, в котором изобретательность средств является центральной частью манипуляции человеческими существами для достижения податливости структур поведения; и именно апелляцией к своей соб-

¹ Hampden-Turner C., Trompenaars A. Op. cit. P. 326.

ственной эффективности в этом отношении менеджер выдвигает притязания на власть в рамках манипулятивного статуса»¹. Концепция эффективности не дает возможности анализировать деятельность любых властно-управленческих аппаратов. Речь идет не только о веберовской концепции, но и о бихевиористском, структурно-функциональном, системном подходах, объединенных общей идеей о возможности «научного» или «рационального» управления обществом.

М. Вебер считал главным основанием легитимности бюрократии эффективность и рациональность. Но никаких конкретных указаний о возможности использования данных критериев его теория не содержит. По сути, весь реестр свойств бюрократии может быть связан с успехом и поражением одновременно. Однако долговременные социальные и политические цели не могут служить критерием успеха ни отдельного чиновника, ни властно-управленческого аппарата в целом. Влияние случайных факторов увеличивается по мере роста периода времени. Тогда как оперативные цели постоянно меняются и тоже не могут служить критерием успеха. При таких обстоятельствах чиновник может манипулировать целями для доказательства собственной необходимости и профессиональной пригодности. Эффективность всегда была «...качеством, которое приписали себе сами менеджеры и бюрократы, а на самом деле оно не существует вне их притязаний»². Поэтому никаких оснований легитимности бюрократии не существует.

Аргумент о специализации (профессионализме) управленческого труда восходит к Веберу. В современном обществе пиетет перед профессионалами стал неписаным правилом социальной жизни. Широкое распространение получил институт советников-экспертов. Но обоснован ли сам критерий специализации? На этот вопрос коммунитаризм дает однозначный ответ: никакого профессионального управленческого знания не существует, хотя контроль бюрократии над обществом стал реальностью. Понятие специализации (профессионализма) управленческого труда маскирует такой контроль.

Это положение аргументируется в *параграфе 4.3 «Дилемма пат-зависимости: замкнутый круг ошибок и модель социального знания»*. Связь между действиями управленцев и социальными процессами примерно такова, «...как реакция на молитву священника о дожде как раз накануне конца засухи»³. В обоих случаях никакой причинно-следственной связи между властно-управленческими действиями и со-

---

¹ Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 105.

² Там же. С. 107.

³ Там же.

циальными процессами не существует. Властно-управленческое знание может приводить к успеху лишь случайно. Но власть стремится скрыть этот факт, поскольку при его обнаружении ее легитимность тоже придется рассматривать как случайную.

Главные претензии управленцев на социальный авторитет состоят из двух элементов: наличие определенной сферы фактов, относительно которых предполагается, что они не имеют отношения ни к каким аксиологическим системам; обобщения вероятностного характера и их применения к отдельным случаям и ситуациям. Смысл претензий связан с историей преобразования понятия «факт» в мировоззренческую и идеологическую предпосылку бюрократии, ученых и политиков.

Затем диссертантом рассмотрены Просвещенческие концепции факта, опыта, объяснения и специализации, познавательная, институциональная и организационная структура естественных и социальных наук и образования. Она существует до сих пор практически в неизменном виде. Поэтому любое использование науки для объяснения социальных процессов и управления ими не учитывает неопределенности социального бытия и непредсказуемости будущих социальных событий. Проанализированы причины неопределенности и непредсказуемости, а также элементы предвидимости в социальной жизни. Описаны элементы и следствия коммунитаристской модели объяснения социальных наук, выявлена ее связь с концепцией пат-зависимости Д. Норта и исследованиями отечественных ученых.

В главе 5 «Исторические основания феномена пат-зависимости: социальная история России» отмечается, что Д. Норт фиксирует связь собственности, власти и идеологии в социальных институтах и трансформациях. На основе исследований отечественных ученых диссертант описывает эффект пат-зависимости в социально-исторических трансформациях России.

Параграф 5.1 «Ценности и политическое отчуждение в контексте пат-зависимости» посвящен анализу гносеологических проблем социальной истории России в контексте политического отчуждения. В современной науке пока нет синтеза концепций рациональности, философии науки и философии языка. Ни одна идеология не может считаться образцом для подражания и практического воплощения, поскольку: в большинстве текстов при описании исторического процесса не проводится различие между именами и дескрипциями; идеологически мотивированное политическое воображение не учитывает различие имен и дескрипций; возникшие на основе такого воображения проекты политического переустройства общества либо ложны, либо к ним неприменимы классические и релятивистские критерии истины и лжи;

вытекающие из этих проектов теории пренебрегают проблемой адекватного описания социополитического мира; грамматики, в которых используется предикат бытия в отношении социально-политических объектов (в классическом смысле слова), укрепляют политические мифы и идеологии, теоретический статус которых сомнителен; писаная история культуры снимает различие между актуальным и потенциальным бытием¹.

Кульť социального порядка и государства привносит в научное исследование апологетику. В либерализме и марксизме образцом такой апологетики является категория *интереса*. Если считать интересы конституирующими, грань нормы и патологии в социальном бытии становится неуловимой по причине распространенности иллюзорных представлений о государстве и социальном порядке. На основе разных модификаций этатизма либерализм и марксизм смыкаются с консерватизмом². Описано множество следствий такой процедуры в обыденных и научных представлениях о нормативно-ценностном порядке. Институциональный схематизм политического мышления не зависит от специфики государств и идеологий. Поэтому политическое отчуждение входит в структуру теоретического мышления.

Д. Норт показал, что политическая и властно-управленческая деятельность не создает материальных и духовных ценностей, а в лучшем случае их распределяет. Но критерии справедливого распределения остаются дискуссионными. Политическая и властно-управленческая деятельность всегда претендует на главную роль в обществе. Для критики данной тенденции требуется такое описание социальных конфликтов, которое было бы свободно от любых форм связи власти с собственностью и идеологией. Осуществить эту задачу достаточно сложно, поскольку необходим отрыв сознания от институционализированных социальных и политических форм и иллюзорных форм отражения действительности. В диссертации описаны главные события социальной истории России через призму теорий политического отчуждения и власти-собственности как элемента пат-зависимости страны.

В **параграфе 5.2 «Структура российской власти-собственности: парадоксы динамики»** показано, что в начале XX в. в России существовали следующие формы связи власти и собственности: самый крупный в мире государственный сектор экономики; госзаказы на производство определенных видов продукции вели к развитию одних сфер производ-

---

¹ См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998. С. 26–38.

² См.: Хиршман А. Рыночное общество: противоположные подходы // Социс. 2001. № 3.

ства за счет других; экономика удовлетворяла прежде всего потребности государства и власти, а не рынка и граждан; деятельность государства в организации транспорта, больших предприятий, банков, переход обанкротившихся или близких к банкротству фирм в состав госсобственности; отсутствие свободы у промышленных капиталистов; система госзаказов как средство развития крупных предприятий; финансирование крупных предприятий и банков из государственного бюджета; антикризисная деятельность государства и соучастие в образовании больших монополий; обмен чиновниками между госаппаратом и экономическими организациями. Эти связи привели к состоянию, которое современные западные мыслители определяют как «самопрограммируемая циркуляция власти»¹. Развитые страны Запада достигли его лишь в конце XX в. Россия осуществляла такую циркуляцию уже в начале XX в. и опередила Запад в переплетении политической власти с экономической. Диссертант описывает идеальный тип, свойства, правила и механизм конкуренции в рамках русского капитализма.

Теории интересов и институтов сами по себе не дают полного представления о русском государстве. Эта проблема описана в *параграфе 5.3 «Парадигма военно-революционной власти в России»*. На российской революции повлияло политическое наследство страны, включающее несколько процессов: развитие экономики преобразовало феодальных владельцев-собственников в капиталистических и усилило власть-собственность; рост госаппарата усилил вмешательство в экономику; численность буржуазии росла по мере ее связи с аппаратом. Россия – первая страна, которая сформировала властно-собственнический класс. В этом смысле она опередила страны Запада, экономика, техника и технология которых были развиты лучше, чем в России. Одновременно Россия была (и остается) первой страной, которая обладает опытом слабости системы власти, кажущейся всесильной. Различные версии теории модернизации пренебрегают данным опытом и объясняют его как следствие экономической и технико-технологической отсталости России. На деле Россия/СССР не дистанцировалась от власти-собственности. Об этом свидетельствует сравнительный анализ идеальных типов чистой власти и власти-собственности.

На этом основании диссертант подвергает критике основные положения теории модернизации и одновременно высказывает ряд позитивных утверждений: существует различие между классовым обществом и системой троевластия; существует тождество между царскими и сталинскими программами индустриализации; социальные функции модернизации в России связаны с развитием экономического, политического

¹ См.: Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М., 1995. С. 49.

и идеологического отчуждения; террор (а не производство тракторов, паровозов, комбайнов и самолетов) – самое эффективное средство модернизации¹.

Автором выявлены пункты сходства и различия между институционально-эволюционной теорией и теорией власти-собственности. В целом революции не изменили социально-политическую структуру России. Об этом свидетельствует специфика российского холлизма – влияние власти-собственности-идеологии на тип индивида, коллектива и личности.

Данной проблеме посвящена глава 6 «Индивид, коллектив и личность: инкрементные изменения в советский период». На основе работ Д. Норта, М. Фуко, О. Хархордина автор подвергает критике распространенный стереотип: в отличие от западного индивидуализма Россия выработала коллективистский тип личности.

В параграфе 6.1 «Генеалогия российского коллектива и индивида» описана связь православного и большевистского отношения к связке «личность – коллектив». Опровергаются два объяснения этого парадокса: коммунистические вожди использовали гуманные слова для обмана и прикрытия массовых расстрелов; «старые большевики» были истинными гуманистами, а сталинские выдвиженцы сохранили гуманный дискурс для поддержания иллюзии верности первичным идеалам революции. На деле «...дискурс ЦКК (Центральной Контрольной Комиссии) находит для себя интересный исторический прецедент – дискурс Русской православной церкви о предназначении церковных судов»². Далее рассмотрены следствия взаимосвязи между православием и большевизмом на уровне практик и институтов. Антирелигиозные большевики реализовали православный проект социального устройства. Такова ирония истории – исходная пат-зависимость советской власти. Об этом свидетельствует сравнительный анализ церковных институтов публичного покаяния в России и тайной исповеди на Западе. Самый распространенный мотив большевистской самокритики – перекладывание собственной ответственности на другие организации и лица. Этот мотив транслировал дореволюционную связь Православной церкви с Российской империей и бюрократической системой управления.

Пат-зависимость советской власти от траектории предшествующе-

¹ Аналогичная точка зрения все чаще высказывается историками: «Не осуществляя внешней экспансии, коммунистический режим долго существовать не мог. Расширять зону своего влияния мирными средствами он не мог. Поэтому крах от непосильной гонки вооружений стал неизбежным». Соколов Б.В. Вторая мировая. Факты и версии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. С. 396.

² Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб-М., 2002. С. 35.

го развития объясняется тем, что связь православия с большевизмом породила смертоносную констелляцию чистки, самокритики и коллективизма. Эта констелляция сделала взаимный надзор элементом власти и стала предпосылкой террора. Следующие поколения ослабили чистку-самокритику и усилили связь обличения-исключения в практике увещевания.

В параграфе 6.2. «Контекст развития российско-советского индивида» автор показывает, что индивидуализм в СССР возник в недрах правящей партии. Перенос внимания с коллектива на индивида обусловлен теорией А. Вышинского, согласно которой индивидуальные преступления вытекают из пережитков прошлого в душах отдельных людей. С помощью такой теории обосновывалась криминализация общих практик поведения, противоречащих нормам советского общежития. Она позволяла представить их как случаи индивидуальных правонарушений, а не как проявление массового сопротивления насаждаемому образу жизни.

В 1920-е гг. проверка революционной сознательности коммунистов применялась в особых случаях, а в 30-е гг. была распространена на всех коммунистов. Главным методом установления революционной сознательности и истинной идентичности коммуниста было «проявление личности в делах». Генеалогия по социальному происхождению заменялась «доказательством делами». Эти модификации воплотились в практике советского ударничества. Оно тоже базируется на христианской религии. Техника выявления сознательности с помощью революционных дел была повтором и пародией лютеранского лозунга «Только верой (в данном случае – делами) спасен будешь».

Главная цель российско-советской индивидуализации – поиск скрытых мотивов поведения. В 20 – 40-е гг. эта процедура культивировалась среди членов партии, а в 50-е гг. стала общим занятием советских людей. В советском обществоведении 60-х гг. появились категории «направленность личности» и «внутренняя структура личности». Они закрепляли взаимный надзор на уровнях формальных и неформальных отношений и связей.

В параграфе 6.3 «Специфика личности: дисгармония социальных практик» диссертантом рассмотрен следующий круг проблем: трансформация значений термина «личность» в период советской власти; роль теории А.С. Макаренко в производстве «готовых к труду и обороне» личностей; институциональная связь православного обличения, социальной шизофрении в СССР и советской личности: «Эта радикальная реформация церковных практик...привела к становлению личности, но

особого качества. Если западный человек был рожден как исповедующееся животное, то советский индивид появился на свет как кающийся зверь»¹.

Автором проанализированы институциональная структура работы над собой, *конспект* как символ советской системы образования, принцип соединения доктрины и жизни как аналог религиозно-догматического образования и модернизации, фазы самовоспитания личности, непредвиденные следствия переплетения православных корней работы над собой с партийным самовоспитанием, феномен и стратегии вторичной коллективизации в период 1953 – 1985 гг., политическая рутина на закате СССР. Показано, что взаимный надзор и увещание для дисциплинирования индивида – еще одна пат-зависимость советской истории. Она породила иное соотношение институтов и организаций, формальных и неформальных правил по сравнению с концепцией Д. Норта. Советское неформальное общение культивировало не взаимную требовательность (как полагает Д. Норт), а всеобщую снисходительность. На этом основании уточняется концепция дара Г. Мосса, К. Леви-Стросса, П. Бурдьё, Д. Норта, описано непредвиденное следствие советской системы обмена дарами, проанализированы неформальные практики обличения и причины их популярности в советском и постсоветском обществах, систематизированы итоговые характеристики российско-советской личности и индивидуальности. Поставлена задача изучения кросс-культурных различий взамен сравнения «коллективистской России» и «индивидуалистического Запада». Связь власти-собственности-идеологии (официального марксизма и неофициального православия) в современных преобразованиях ведет к ряду непредвиденных последствий.

В главе 7 «Пат-зависимость и силовое предпринимательство в современной России» исследуются генеалогия современного российского капитализма, бизнес-функции силовых структур и механизм непредвиденных последствий.

Реформа социализма в СССР вызвала множество непредвиденных последствий, включая рост преступности. При этом рост преступности большинство ученых объясняют девиантным поведением или аномией. Но анализ основных видов описания моделей и теорий девиантности показал: существует противоречие между статистическим и процессным подходами при объяснении негативных социальных явлений; предпочтение одного из видов объяснений обусловлено ситуацией и/или научными интересами исследователей; преодолеть влияние ситуации и интересов невозможно; теории преступности и девиантности при рассмотрении причин данных явлений всегда обращаются к анализу социальных норм;

¹ Хархордин О. Указ. соч. С. 287.

но различие формальных и неформальных норм вечно; поэтому все суждения об аномии и девиантности можно оспорить¹. В главе рассматриваются только те выводы исследований отечественных авторов, которые позволяют уточнить теорию Д. Норта.

В частности, В. Волков отрицает понятия «организованная преступность», «девиантность», «аномия», поскольку они используются государством и СМИ для влияния на общественное мнение. Если социолог все же использует указанные понятия, он принимает точку зрения государства или изучает способ конструирования данных социальных явлений: «В обоих случаях государство присутствует как нечто значимое: в первом случае как неявный источник категорий, во втором – как объект исследования»². Тем самым не учитывается главная посылка институционально-эволюционной теории о двойственности государства.

В параграфе 7.1 «Критическая генеалогия российского капитализма» рассмотрены источники и феномен криминальной мобилизации, типы преступных действий, коннотации определения «организованная преступность» и вытекающих из него терминов, сила как тип социального действия, главные положения теории силового предпринимательства, непосредственные и превращенные формы дохода в рамках политэкономии силы, транзакционные издержки правительств и силовых структур, определение и типология силового предпринимательства, виды силовых услуг и общее следствие: чем больше независимость государства от общества, тем больше члены госаппарата превращаются в явных и скрытых силовых предпринимателей.

Диссертант рассматривает виды теневой экономики на исходе советской власти, юридический смысл термина «вымогательство», специфику охранного рэкета, переход от вымогательства к охранным услугам, специфику охраны как реальной услуги. Претензии на охрану содержали неявное утверждение права собственности, которое по отношению к активам бизнесмена обеспечивалось наличием силового ресурса и реализовывалось в отстаивании силовой структурой права на получение охранной дани перед другими претендентами. По мере развития акционерных форм собственности силовые структуры (через учрежденные компании) становились совладельцами охраняемых предприятий.

В параграфе 7.2 «Бизнес-функции российских силовых структур: проблема легитимности» проанализированы феномены силового партнерства, искусственного спроса, транзакционные проблемы, спосо-

---

¹ См.: Шитунова Т.В. Проблема синтеза теорий девиантности // Социс. 2004. № 12. С. 103–113.

² Волков В. Силовое предпринимательство. СПб.; М.: Летний сад. 2002. С. 10.

бы и правила их решения, низкая эффективность судебной системы и высокая цена доступа к ней, отношение между силовым партнерством и силовым посредничеством, эволюция оплаты силового партнерства, типы действия в рамках силового партнерства. Показано, что намерения силовых предпринимателей противоречат главному следствию их деятельности: стихийное складывание среды, которая упорядочивает действия участников на непредсказуемых рынках российской экономики. Эта совокупность правил и способов принуждения не имеет отношения к правовым системам.

Автором описаны социологические нормы воровского сообщества, отличие современных бандитов (силовых предпринимателей) от классических воров в законе, специфика российской уголовной рационализации, особенности неформальных организованных преступных группировок (ОПГ), названия, клички, флаги, репутации, торговые марки, структура, борьба за выживание, типы и причины конфликтов между разными ОПГ, образцы нормативной культуры и практики силовых предпринимателей, экономическая политика силовых структур в контексте карьер силовых предпринимателей и ее главное следствие – создание предпосылок для превращения ОПГ в региональные бизнес-группы.

Указанные процессы привели к приватизации силовых ведомств – «тихому» преобразованию аппарата принуждения СССР в индустрию частных охранных услуг. Формирование этого сектора объясняется сочетанием краткосрочных политических решений, нацеленных на ослабление прежних институтов безопасности советского государства, а также стремлением сотрудников силовых ведомств выжить и приспособиться к последствиям решений и институциональным потребностям формирующихся рынков. Приватизация экономики была с самого начала ключевым моментом реформ. Приватизация силовых организаций – непредвиденное последствие реформы.

В *параграфе 7.3 «Социальный механизм непредвиденных последствий в российских условиях»* рассмотрены переход от государственной безопасности к частной, специфика, структурная динамика и функции частных охранных агентств, конкуренция, ее пределы и последствия принятия Закона о частной охранной деятельности. На первый взгляд, первичная идеология рыночных реформ ограничила роль государства и базировалась на идее *невидимой руки* рынка. Но ослабление системы госбезопасности и правопорядка привело к росту неформальных силовых структур. Правительство не создало институтов по защите прав частных собственников. Бывшие сотрудники силовых ведомств тоже не имели представлений об институциональном строи-

тельстве, а просто приспособились к новой экономической ситуации.

Диссертантом проанализированы непредвиденные последствия приватизации силовых агентств и пути эволюции частных охранных агентств (юридический, технологический, экономический, политический). Их реализация все более зависит от поведения государства как ключевого участника игры. Для анализа этого процесса используется определение Ф. Ницше: государство – это последовательность «...более или менее укоренившихся, более или менее не зависящих друг от друга и разыгрывающихся процессов возобладания, включая и чинимые им всякий раз препятствия, пробные метаморфозы в целях защиты и реакции, даже результаты удавшихся провокаций»¹. Далее рассмотрено множество непредвиденных следствий существования государства в виде проблем монополии силы, налогообложения, контроля, легитимности, структуры и поддержания границ, многообразия субъектов политики, определение и признаки скрытой фрагментации государства. Появление слоя силовых предпринимателей – практическое выражение структурного кризиса государства: «Государственные служащие, имеющие доступ к силовым ресурсам государства, от начальников местных отделений милиции до правительственных чиновников, также активно участвовали в силовом предпринимательстве на соответствующем уровне. Для крупных компаний и олигархов неформальные государственные «крыши» играли ту же роль, что преступные группировки – для малого и среднего бизнеса»².

В итоге современное российское государство порождает своих собственных могильщиков в виде государственных служащих. Диссертантом описаны специфика неформальной государственной крыши, конкуренция за налогоплательщика, транзакционные стратегии решения хозяйственных споров. Суть дела в том, что в последнее десятилетие бывшие руководители советских предприятий и новые предприниматели использовали неформальные связи и силовые структуры для обеспечения выполнения контрактных обязательств и решения спорных вопросов. Большинство руководителей и предпринимателей предпочитают оставаться «между» государственной и криминальной системой, избегать столкновения и с той и с другой и полагаются на личные отношения.

После кризиса 1998 г. складывается идея укрепления государства. Но она отразила закрепление силовых (а не экономических) отношений между разными структурами и экономическими субъектами: «Укрепление армии и органов государственной безопасности было призвано

---

¹ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 456.

² Волков В. Указ. соч. С. 242.

усилить организационно-техническую сторону государства. Но вскоре стало понятно, что главным приоритетом политики Путина будет структурное укрепление государства, т.е. стремление придать ему черты регулярности, сделать более автономным от заинтересованных групп в экономике и тем самым переориентировать на реализацию общественных, а не групповых интересов»¹. Команда Д. Медведева, продолжая курс В. Путина, рассматривает укрепление законности как средство экономического роста. Но силовые предприниматели стали бизнесменами и владеют значительными активами. Борьба с ними вызвала бы нарушение нормальной экономической деятельности. Результатом безоговорочной «диктатуры закона» стал бы экономический спад. Но снисходительное отношение к лидерам преступного мира, ставшим владельцами крупных холдингов, свело бы на нет политику усиления правовых норм и дискредитировало бы нового президента, как и его предшественника. Такова суть дилеммы Путина: «Теоретически политика, связывающая укрепление законности и экономический рост, выглядит привлекательно, однако конкретное применение этого принципа в современном российском контексте неизбежно наталкивается на серьезные противоречия. Российское политическое руководство еще неоднократно будет оказываться перед выбором между необходимостью преследования по закону бывших лидеров ОПГ и экономической нецелесообразностью такой политики. Не менее опасным для государства является неформальное использование отдельных его подразделений (милиции, судов, органов исполнительной власти) в качестве инструментов перераспределения экономических активов в пользу тех или иных финансово-промышленных групп»².

Диссертантом рассматриваются способы решения указанной дилеммы – поиск компромисса между формально-правовым и рационально-экономическим аспектами в политике укрепления государства и борьбе между заинтересованными группами. Позиция центральной власти во многом зависит от решения дилеммы на местах. Местные и региональные власти заключили неформальные пакты с определенными финансово-промышленными группами, несмотря на их криминальное происхождение. Олигархам удастся мобилизовать силовые ресурсы государства, прокуратуру и силовые спецподразделения Минюста для реализации своих экономических интересов вопреки провозглашенному Президентом курсу на отделение государства от заинтересованных групп. Обозначились следующие аспекты политики реконструкции государства в отношении силовых предпринимателей: насильственная

---

¹ Волков В. Указ. соч. С. 264.

² Там же. С. 267.

централизация путем уголовного преследования; интеграция в структуру государства; превращение в обычных хозяйственных субъектов без автономных от государства силовых ресурсов.

С 2000 г. применяются все три решения. Но использование силовых и административных ресурсов по произволу отдельных фракций госаппарата, в интересах частных лиц и групп – основное проявление слабости государства. Действия силовых предпринимателей привели к последствиям, которые никто из них не предвидел, но которые заставили большинство из них изменить способы действия и мышления. Вначале силовые предприниматели презирали закон, бухгалтерию и общественное мнение. Затем перешли к найму адвокатов, бухгалтеров и специалистов по связям с общественностью, государственных милицеских подразделений для защиты своих активов. Смысл новой политики централизации государства состоял в решении двух задач: упорядочить отношения центра и регионов и создать единое правовое пространство: «Множество локальных монополий силы или «островков власти» подлежат теперь объединению в одну большую монополию, называемую государством»¹. Поэтому силовые предприниматели начали называть себя «государственниками». За спиной современного российского государства стоят криминальные элементы и государственные силовые структуры.

В Заключении излагаются основные результаты диссертационного исследования.

---

¹ Волков В. Указ. соч. С. 277.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монография:

Сусименко Е.В. Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – 14 п. л.

В изданиях Перечня ВАК Министерства образования и науки РФ:

Сусименко Е.В. Модель политико-экономического процесса // Научная мысль Кавказа. Доп. вып. 2. 2006. – 0,7 п. л.

Сусименко Е.В. Политические ценности и отчуждение // Философия права. 2008. № 2. – 0,4 п. л.

Сусименко Е.В. Институциональный анализ социально-экономической истории // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. Доп. вып. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Образ общества и система фикций в социально-философском обосновании коммунитаризма // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. – 0,6 п. л.

Сусименко Е.В. Социальные нормы и их трансформации в дискурсе пат-зависимости // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 8. – 0,4 п. л.

Сусименко Е.В. Дивергенция и сотрудничество как ключевые проблемы интегрального социального анализа Д. Норта // Вестник ВолГУ. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 1. – 0,5 п. л.

Сусименко Е.В. Пат-зависимость и социальная манипуляция: замкнутый круг ошибок и модель социального знания // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 10. – 0,5 п. л.

Сусименко Е.В., Кумыков А.М. Национальный идеал как социально-идеологическая категория в современных философских исследованиях // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. – 0,5 / 0,25 п. л.

Брошюры:

Сусименко Е.В. Проблема эффективности институтов. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – 1 п. л.

Сусименко Е.В. Структура власти-собственности. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – 1 п. л.

Сусименко Е.В. Индивид, коллектив и личность: инкрементные изменения в советский период. Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2005. – 2 п. л.

Сусименко Е.В. Социокультурные аспекты пат-зависимости. Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2006. - 1 п. л.

Сусименко Е.В. Пат-зависимость и силовое предпринимательство в современной России. М.: Альфа-М, 2006. – 1,5 п. л.

Сусименко Е.В. Силовое предпринимательство в России: механизм непредвиденных последствий. Ростов н/Д: Антей, 2007. – 1 п. л.

Статьи в других изданиях:

Сусименко Е.В. О двойственности государства и смеси институтов в институционально-эволюционной теории // Научный ежегодник «Общество: политика, экономика, право». Краснодар, 2007. Вып. 2. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Эволюция типов обмена в ходе социально-экономического развития общества с точки зрения теории транзакционных издержек // Актуальные проблемы современных социально-гуманитарных наук: Сб. науч. статей. Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2006. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Механизм самоподдержки институтов или об институциональной организации пат-зависимости // Социально-гуманитарные проблемы современной России: Сб. науч. статей. Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2007. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Роль институтов в формировании социально-экономической модели общества // Актуальные социально-политические и правовые проблемы развития российского общества: Сб. материалов II Всероссийской научной читательской конференции молодых ученых. Краснодар, 2007. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Концепты «коллектив», «личность», «обличение», «индивидуализм» в социально-философском дискурсе пат-зависимости // Труды по когнитивной лингвистике: Сб. науч. статей. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2008. Вып. 10 (Серия «Концептуальные исследования»). – 0,4 п. л.

Сусименко Е.В. Институциональные ловушки как манифестация эффекта пат-зависимости в современном российском обществе // Проблемы экономики, организации и управления предприятиями, отраслями, комплексами в разных сферах народного хозяйства: Материалы Международной дистанционной научно-практической конференции 31 марта 2008 г. Новочеркасск, 2008. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Смысловое поле пат-зависимости: социально-философский анализ // Социальное знание и практика: сб. науч. статей / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). Новочеркасск: ЛИК, 2008. – Вып. 3. – 0,5 п. л.

Сусименко Е.В. О вмешательстве государства в экономику: институциональный аспект // Социальное знание и практика: Сб. науч. статей / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). Новочеркасск: ЛИК, 2008. Вып. 3. – 0,4 п. л.

Сусименко Е.В. Специфика пат-зависимости или длительных временных протяженностей российско-советской истории // Теория и практика общественного развития. 2008. № 1. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Западная и азиатские экономические культуры: социально-философский анализ // Научный ежегодник «Общество: политика, экономика, право». 2008. Вып. 1. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Институциональные рамки функционирования рынка и зависимость от траектории предшествующего развития // Развитие прикладных исследований в праве и экономике на основе институциональной теории: Материалы IX Международной научно-практической конференции / Брестский гос. ун-т им. А.С.Пушкина. Брест, 2008. – 0,2 п. л.

Сусименко Е.В. Пат-зависимость и проблема социальной манипуляции в молодежной среде // Проблемы воспитания толерантности и профилактики экстремизма в молодежной среде: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 17–18 апреля 2008 г. Ростов н/Д, 2008. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Проблемное поле теории модернизации в контексте пат-зависимости современной России // Неделя науки: Материалы межрегиональной научной конференции 26 апреля 2008 г. Ростов н/Д, 2008. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Роль государства в генезисе и эволюции частных силовых структур в России // Актуальные проблемы правоприменительной и правоохранительной деятельности в современных условиях: Материалы Международной научно-практической конференции 28 апреля 2008 г. Новочеркасск, 2008. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Связь власти-собственности в социальной истории России // Девятые Всероссийские научные чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы: Тез. докл. и сообщ. 15–16 мая 2008 г. Новочеркасск; Ростов н/Д: Логос, 2008. – 0,1 п. л.

Сусименко Е.В. Теоретико-методологические посылы к исследованию эффекта пат-зависимости // Теория и практика общественного развития. 2008. № 2. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Пат-зависимость и концепция социальных фигур в современном обществе // Актуальные проблемы социальной истории: Сб. науч. статей. Новочеркасск, 2008. Вып. 10. – 0,3 п. л.

Сусименко Е.В. Метафорическое отражение культурно-

исторических стереотипов и специфики пат-зависимости экономически развитых стран // Актуальные социально-политические и правовые проблемы развития российского общества: Сб. материалов III Всероссийской научной читательской конференции молодых ученых. Краснодар, 2008. – 0,4 п. л.

Сусименко Е.В. Коммунитаристская модель социального развития современных обществ: компаративно-социологическое обоснование // Лосевские чтения: Сб. трудов науч. конф. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2008. – 0,5 п. л.

Сусименко Е.В. К вопросу об исторических основаниях системы русской власти // Актуальные проблемы истории, теории и технологии социальной работы: Сб. науч. статей. Новочеркасск, 2008. Вып. 11. – 0,7 п. л.

Сдано в набор 7.11.2008 г. Подписано в печать 11.11.2008 г.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура: Times.

Формат 60х84 1/16. Усл.п.л. 1,88.

Тираж 100 экз. Зак. № 17.

Отпечатано в тип. «АНТ»

344037, Ростов-на-Дону, 24 Линия, 20.